

Трунов Ф.О.¹

Проблемы и перспективы глобальной субъектности ФРГ в военном и политическом отношениях: реалии начала 2020-х годов

Аннотация. Формирование нового миропорядка включает в себя не только оформление не-Запада как целостности, но и переструктурирование «коллективного» Запада. Важную роль в этом процессе играют крупные европейские державы. Среди «либеральных демократий» к их числу относится ФРГ. Задача статьи – исследовать военные и политические возможности Германии на глобальном уровне на начало 2020-х годов.

Вклад ФРГ в структурирование Запада осуществляется прежде всего по линии НАТО и ЕС. Германия стремится быть координатором на важнейших направлениях совершенствования военно-стратегических возможностей ЕС. Тем не менее в начале 2020-х годов ФРГ не настаивала на форсированном развитии этих возможностей, в том числе на создании «европейской армии». Одновременно Германия (все чаще как «рамочное государство») участвовала в ускоренном наращивании мощного, отлично организованного (в виде постоянных группировок) военно-ресурсного потенциала НАТО, комплектовавшегося европейскими государствами-членами. Германия стала одним из основных акторов, оказывающих военно-техническую поддержку официаль-

---

¹ Трунов Филипп Олегович – кандидат политических наук, ведущий научный сотрудник, ИНИОН РАН; 1trunov@mail.ru

ному Киеву в условиях проведения СВО Российской Федерацией. В целом вклад ФРГ в «сдерживание» РФ характеризовался плавным, неуклонным количественным и качественным ростом. Таким образом, ФРГ на практике поддержала новую схему разделения ответственности между «западными демократиями» при выстраивании конфронтаций, в рамках которой США сосредоточились на «сдерживании» КНР, а европейские партнеры – на «сдерживании» РФ.

В статье делается вывод, что рост вовлеченности ФРГ в структурирование «коллективного» Запада не только сопровождается ослаблением ее позиций вне Евро-Атлантического сообщества, но и далеко не всегда дает ожидаемый результат внутри него.

Ключевые слова: Германия, внешняя политика, НАТО, «рамочное государство», ЕС, США, конфронтация, «сдерживание», РФ, КНР, Евро-Атлантическое сообщество, Азия, Африка, миропорядок.

Возникновение и оформление нового миропорядка сопровождается развитием ряда тенденций. Одна из них – формирование не-Запада как целостности. Другая – перераспределение ответственности и нагрузки внутри «коллективного» Запада, особенно в деле «сдерживания» основных оппонентов (РФ, КНР, ИРИ).

В структурировании не-Запада ключевую роль играют вновь поднимающиеся государства с имперским социо-культурным кодом, в недавнем прошлом пережившие период временной слабости и ныне закономерно усиливающиеся как в плане влияния, так и в плане перераспределения ресурсной базы. На Западе ситуация отличается: в этой давно сложившейся общности большинство основных игроков – «старые» державы. Число поднимающихся западных держав невелико, однако именно их действия могут привести к заметным изменениям в лагере «либеральных демократий».

В этом случае показателен пример ФРГ. В предыдущую холодную войну Западная Германия, располагавшаяся на «переднем крае» конфронтации, создала мощную ресурсную базу, но весьма ограниченно могла использовать политические и особенно военные возможности вне Европы. В 1990-е – начале 2010-х годов ФРГ утвердилась в роли региональной державы (1999) и заметно продвинулась к положению полновесного глобального игрока. Германия стремилась обеспечить свое полноценное стратегическое при-

сутствие на Балканах, Среднем и Ближнем Востоке, в странах Африканского Рога, Северной и Западной Африки.

Однако в 2014–2023 гг. официальный Берлин стал постепенно утрачивать наработанные позиции. Возвращение к парадигме конфронтации в отношениях «западных демократий» с незападными державами для Германии сопровождалось перенаправлением огромных ресурсов внутрь зоны ответственности НАТО и в пространство вблизи нее (прежде всего, для поддержки официального Киева). В 2014 г. вне зоны ответственности НАТО (прежде всего, в Азии и Африке) использовалось около 7 тыс. военнослужащих бундесвера [Die Auslandseinsätze ... , 2018, S. 8–11]. К 2023 г. их количество поэтапно снизилось до менее чем 1,7 тыс. солдат и офицеров [Anzahl ... , 2023], т.е. в 4 раза (!). При этом многократно выросли военные обязательства ФРГ по линии НАТО: так, к 2025 г. в рамках новой (утвержденной в 2022 г.) модели войск Альянса только в составе двух первых категорий войск (100 и 200 тыс. военных соответственно со сроками приведения в боевую готовность до 10 и 30 суток) ФРГ предоставит 35 тыс. военнослужащих [Pressekonferenz ... , 2023b] и будет иметь около 5 тыс. человек в составе вновь сформированных сил передового развертывания (СПР) [Pressekonferenz ... , 2022a].

Задача статьи – исследовать особенности эволюции глобальной субъектности Германии по состоянию на начало 2020-х годов в контексте преимущества внешней политики ФРГ при смене правительств – после окончания «эры» А. Меркель в декабре 2021 г. и прихода к власти кабинета О. Шольца (СДПГ, «Союз 90» / «Зелёные» и СвДП).

Различным аспектам внешней политики ФРГ посвящен огромный, постоянно увеличивающийся объем исследований. Вместе с тем круг работ, в которых представлен обзор современных военно-стратегических позиций Германии на глобальном уровне в увязке с региональными факторами, весьма ограничен [Bindenagel, 2020 ; Die Auslandseinsätze ... , 2018]. Настоящая статья представляет собой попытку частично восполнить данный пробел, используя положения теории альянсов [Истомин, 2021] и метод сравнительного анализа.

Особенности участия Германии в функционировании ЕС и НАТО

Учитывая свою органичную встроенность в лагерь «западных демократий», Германия традиционно придавала особое значение своему положению в каждом из ключевых евро-атлантических институтов. С начала XXI в. ФРГ стремилась способствовать как формированию внешнеполитического потенциала ЕС, так и увеличению влияния и веса европейских государств-членов в НАТО. В связи с этим показательны, например, принятие формулы «Берлин+» (2002) и проект Г. Шрёдера по реформе НАТО (2005). В 2000–2010-е годы ФРГ под эгидой Североатлантического альянса использовала бундесвер в основном на Среднем и Ближнем Востоке, а под эгидой Европейского союза – в Африке (прежде всего, в зоне Африканского Рога и в Сахаро-Сахельском регионе). Вне Евро-Атлантического сообщества военнослужащие ФРГ участвовали в большем числе миссий с мандатом ЕС по сравнению с миссиями под флагом НАТО, однако количественный вклад в каждую из миссий НАТО был существенно большим и обычно включал контингенты наземных войск, а не только относительно небольшие группы военных специалистов (обычно инструкторов и советников). Аналогичная тенденция наблюдалась и при использовании бундесвера внутри зоны ответственности обоих евроатлантических институтов.

Данный подход ожидаемо оказал сдерживающее влияние на вклад Германии в развитие профильного потенциала Евросоюза в ситуации ускоренного наращивания мощи Альянса. Согласно подходу, выработанному еще при А. Меркель, ресурсная база ЕС в стратегической сфере должна была включать две основные, тесно взаимосвязанные составляющие. Платформа Постоянного структурированного сотрудничества (ПСС; *англ.* PESCO) функционально (в плане повышения конкретных компетенций) и технически (разработка новых образцов вооружений и военной техники (ВиВТ)) создавала основу для развертывания многосторонних сил ЕС [Манойло, 2020, с. 83–85], которые и составляли «европейскую армию».

ФРГ была инициатором запуска ПСС и активно участвовала в расширении системы ее комитетов: к середине 2023 г. их стало 68. Показательно, однако, что Германия была координатором лишь в

десяти комитетах, в то время как Франция – в 15, Италия – в 13, Греция – в шести, Испания – в пяти (рассчитано автором на основе: [Projects ... , 2023]). Кроме того, на правах рядового члена ПСС Германия участвовала в работе 25 проектных комитетов, в то время как Франция – 51, Италия – 36, Испания – 31, Греция – 18 (рассчитано автором на основе: [Ibid.]). Однако уступая Франции, Италии, отчасти Испании в количественном отношении, Германия опережала их в качественном: она руководила значительной частью наиболее важных в практическом плане комитетов, представлявших интерес для многих или даже почти всех стран-участниц, а не только для небольшой группы (обычно состоящей из двух-пяти стран). Так, именно ФРГ координировала разработку «евродрона», создание многостороннего военно-медицинского командования ЕС, проект превращения территории Евросоюза в единое пространство с военно-логистической точки зрения [Ibid.].

Создание новых проектных комитетов ПСС сочеталось с закрытием некоторых уже существующих (четырёх на середину 2023 г.): первым стал возглавлявшийся ФРГ комитет по отлаживанию сотрудничества по линии военных инструкторов и советников [Ibid.]. Де-юре причиной упразднения комитета было нежелание дублировать функции уже имеющихся органов ЕС (военного штаба объединения; управления Еврокорпуса), де-факто – отсутствие успеха в работе военно-тренировочных миссий ЕС в Сомали и Сахаро-Сахельском регионе. После переворотов в Мали (2020–2021), а затем в Буркина-Фасо (2022) пришедшие к власти военные в этих странах отказались от сотрудничества с инструкторами ЕС (основу которых составляли офицеры и унтер-офицеры бундесвера и ВС Франции) [Antrag ... , 2023, S. 3–6], ссылаясь на их неудовлетворительную работу по борьбе с террористическими группировками. Не исключено, что такой же сценарий будет реализован и в Нигере после военного переворота, совершившегося летом 2023 г.

Данные события показали, что для ЕС существуют объективные препятствия не только при проведении реформы сектора безопасности в стране происхождения вооруженного конфликта, но в деле урегулирования конфликта в целом. Это, в свою очередь, резко сужало «окно возможностей» для потенциального применения «европейской армии», основу которой должны были составлять

силы кризисного реагирования (ударная компонента и компоненты поддержки, в том числе весьма важная военно-тренировочная). В более широком плане вставал вопрос о реальной способности ЕС продемонстрировать свою глобальную субъектность (дееспособность) в сфере безопасности и обороны вне Евро-Атлантического сообщества.

На фоне более чем ограниченных успехов НАТО в зонах нестабильности на Среднем и Ближнем Востоке эта ситуация оказалась весьма болезненной для официального Берлина. Несмотря на то, что с середины 2010-х годов подобное положение дел открывало *потенциальное* «окно возможностей» для ЕС в деле принятия бóльшей нагрузки в области урегулирования, это так и не стало реальностью к середине 2020-х годов. Более того, ЕС вслед за НАТО постепенно утрачивал стратегические позиции в отдалении от Евро-Атлантического сообщества: прежде всего, речь шла об упразднении или сокращении миссий объединения со значимым вкладом бундесвера.

Отсутствие эффективной модели урегулирования вооруженных конфликтов (все чаще развивавшихся с участием структур международного терроризма) было лишь одной из причин, в силу которых ФРГ не форсировала создание «европейской армии». Другая причина – ускоренное наращивание военно-ресурсного потенциала НАТО, комплектуемого национальными вооруженными силами (ВС) государств-членов (при невысоких в целом темпах увеличения национальных ВС). Иначе говоря, быстрое наращивание сил, находящихся в распоряжении одного евро-атлантического института (НАТО), ограничивало возможности для увеличения сил другого (ЕС).

Так, в 2014–2022 гг. были созданы силы передового развертывания НАТО (СПР; *англ.* NATO Forward Presence, FP; состояли из усиленных (eFP) и адаптированных (tFP) подразделений) [NATO's military ... , 2023], а численность сил быстрого реагирования НАТО (СБР; *англ.* NATO Response Force, NRF) была резко увеличена (с 13 до 40 тыс. военнослужащих) [NATO Response ... , 2023]. Согласно новой модели войск НАТО, утвержденной на Мадридском саммите Альянса (июнь 2022 г.), СБР стали основой для двух первых категорий войск (см. выше – 300 тыс., а всего с учетом третьей категории войск – 800 тыс. военнослужащих) [New

NATO ... , 2022]. Следует подчеркнуть, что практически все указанные группировки, кроме СПР, в подавляющем большинстве (до 100% состава) комплектовались контингентами европейских государств – членов Альянса [Biscop, 2022, p. 1–3]. Другими словами, по линии НАТО стремительно создавался некий аналог «европейской армии», но совершенно иной по масштабу, мощи и предназначению. Эта тенденция прослеживалась с начала XXI в., четко проявилась в 2014–2015 гг., резко набрала обороты в начале 2020-х годов: фактор СВО РФ стал лишь стимулирующим поводом для запланированного развития объективно шедшего процесса.

В то же время в 2015–2023 гг. численность ВС Великобритании уменьшилась на 7,5%, Франции – практически не изменилась, США – выросла на 0,6% и только в ФРГ увеличение составило 7,5% [Defence expenditure ... , 2023, p. 12]. Но даже такое прибавление оказалось недостаточным для того, чтобы к 2023 г. полностью сформировать в составе бундесвера хотя бы одну новую бригаду: появления новых бригад следует ожидать только в 2025–2027 гг. Тем не менее, несмотря на все трудности, официальный Берлин в конце 2010-х – начале 2020-х годов и декларативно, и практически, причем самым активным образом, поддерживал увеличение «европейской составляющей» войскового потенциала НАТО, что было особенно заметно по контрасту с отсутствием мер по существенному увеличению «европейской армии».

В 2014 г. по численности личного состава ВС Германия занимала пятое место среди стран – участниц НАТО (после США, Турции, Франции, Италии), в начале 2020-х годов она вышла на четвертое место [Defence expenditure ... , 2023, p. 12], рассчитывая в дальнейшем перейти на третью позицию. При этом ФРГ стремилась к тому, чтобы быть в Альянсе вторым государством-вкладчиком (уступая лишь США) в плане объемов предоставляемых в его подчинение войск. ФРГ чаще, чем другие европейские страны – участницы блока, стремилась принимать на себя функции «рамочного государства» (осуществление общего руководства, внесение наибольшего вклада войсками и техникой). Вне зоны ответственности НАТО это проявилось в Афганистане (роль «рамочной нации» для группировки в северных провинциях с 2004 по 2021 г., второй по численности вклад к моменту вывода миссии

«Решительная поддержка» [Resolute Support ... , 2018]), но было особенно заметно внутри зоны ответственности Альянса.

В частности, в ходе крупнейших учений НАТО «Trident Juncture 18» в Норвегии (октябрь-ноябрь 2018 г.), ФРГ исполняла роль «рамочного государства». В 2014–2023 гг. Германия трижды (в 2015, 2019, 2023 гг.) становилась «рамочным государством» в процессе ротационного комплектования сухопутной составляющей соединения сверхповышенной боевой готовности (*англ.* Very High Readiness Joint Task Force, VJTF) – «острия копья» СБР НАТО [NATO Response ... , 2023], притом что все остальные поочередно сменявшие друг друга «рамочные государства» наземной компоненты VJTF (Великобритания, Испания, Италия, Польша, Турция, Франция) исполняли эту роль только по одному разу. Разница объяснялась тем, что Германия не только добровольно занимала позицию «рамочного государства» в начале семифазного цикла (в 2015 и 2023 гг.: в обоих случаях – в те годы, когда осуществлялось резкое увеличение СБР [NATO Response ... , 2023 ; Germany takes ... , 2022]), но и дополнительно, вне очереди, взяла на себя эту нагрузку в 2019 г. [Germany steps up ... , 2019]. Нагрузка, принятая Германией в 2019 г., отделила группу игроков, демонстрировавших достаточно высокий интерес к комплектованию VJTF (Испания, Великобритания, Италия) от проявлявших меньший интерес (Польша, Франция, Турция), тем самым в определенной мере стимулируя последних. В каждом случае вклад бундесвера в комплектование наземной компоненты VJTF в абсолютном измерении возрастал, что приводило к увеличению сухопутной составляющей VJTF в целом: в 2019 г. она насчитывала 8 тыс. военнослужащих [Germany steps up ... , 2019], в 2023 г. – уже 11,5 тыс. [Germany takes ... , 2022].

Согласно решениям Варшавского саммита Альянса (июль 2016 г.), ФРГ стала единственной европейской континентальной страной – участницей НАТО, исполняющей функции «рамочного государства» для одной из батальонных боевых групп СПР блока в странах Балтии и Польше, – в остальных случаях роль «рамочной нации» взяли на себя США, Великобритания, Канада [NATO's military ... , 2023]. С начала февраля 2022 г. (еще до начала СВО) увеличение вклада бундесвера в комплектование боевой группы в Литве сочеталось с выделением войск в состав еще одной боевой

группы – в Словакии. Германия (как и любое другое государство – член НАТО) не могла стать «рамочным государством» сразу для двух многосторонних формирований СПР, однако в случае Словакии выделила наибольший по численности контингент, хотя «рамочной нацией» была заявлена Чехия. В каком-то смысле это стимулировало Францию и Италию – с учетом их межгосударственной конкуренции с Германией – также принять функции «рамочных государств» в 2022 г. (для боевых групп в Румынии и Болгарии соответственно) [NATO's military ... , 2023]. При этом официальный Бухарест в июле 2023 г. обозначил заинтересованность в появлении военного контингента Германии на своей территории [Pressekonferenz ... , 2023a].

7 июня 2022 г., по итогам встречи в формате «В3+1» (с участием стран Балтии), ФРГ, опередив остальных стран – участниц НАТО, выступила с инициативой увеличить многостороннюю батальонную боевую группу в Литве до бригадного уровня [«Russland darf ... , 2022]. На практике процесс стартовал в сентябре 2022 г., планируется его завершить в 2026 г. Тем самым де-юре ФРГ стимулировала других крупнейших игроков среди стран – участниц НАТО, в том числе и США, следовать в фарватере провозглашенных решений.

По итогам Мадридского саммита НАТО (июнь 2022 г.) О. Шольц заявил, что ФРГ выделит дивизию (три бригады) в 15 тыс. военнослужащих, 60 самолетов и 20 кораблей для ротационного комплектования СПР [Pressekonferenz ... , 2022a]. По итогам Вильнюсского саммита Альянса (июль 2023 г.) канцлер ФРГ заявил, что к 2025 г. Германия доведет вклад бундесвера в комплектование двух первых категорий новой модели войск НАТО до 35 тыс. военнослужащих, или почти 12% от общей численности (из общих 300 тыс.) [Pressekonferenz ... , 2023b].

На середину 2023 г. военнослужащие бундесвера составляют менее 9,5% от общего количества военнослужащих ВС стран – участниц НАТО без учета США (192 и 2022 тыс. соответственно) (рассчитано автором на основе: [Defence expenditure ... , 2023, p. 12]). Это означает, что войсковые единицы бундесвера используются под эгидой НАТО намного интенсивнее, чем подразделения ВС большинства других стран – участниц блока.

Особенности подхода Германии к «сдерживанию» России и Китая: фактор США

В период предыдущей холодной войны существовало разделение военно-стратегической ответственности между США и европейскими государствами – членами НАТО. Последние, особенно ФРГ, фокусировались на «сдерживании» СССР и его союзников в Европе, опираясь на соразмерную со своей военной мощью поддержку Белого дома. При этом уже находившиеся в Западной Германии и других региональных странах – участницах НАТО контингенты США могли быть усилены войсками, перебрасываемыми из метрополии. Это правило было нарушено лишь однажды, примерно на пятилетие в конце 1960-х – начале 1970-х годов, когда в ходе Второй индокитайской войны Белый дом направил существенную часть своих войск, дислоцированных в США, а также отдельные формирования из Европы, во Вьетнам. В данном случае официальный Вашингтон действовал в сугубо национальном качестве и в принципе не ставил вопрос о задействовании механизма НАТО. Этот пример показывает, что даже в ситуации, когда существовала только *одна* полномасштабная конфронтация, Азиатско-Тихоокеанский регион имел особую значимость для Белого дома.

Формула разделения военно-стратегической ответственности, появившаяся в ходе Второй индокитайской войны, вновь оказалась весьма востребована в процессе возникновения и развития сразу *двух* полноценных конфронтаций: между Западом и РФ, а также между США (и группой их партнеров) и КНР. Если в 1980-е годы в Европе находилось примерно 14% от общей численности ВС США (рассчитано автором на основе: [Allen, Martinez Machain, Flynn, 2022 ; Financial and economic ... , 1992]), то весной 2022 г., даже после некоторого увеличения численности (с 80 до 100 тыс. военнослужащих), этот показатель составил менее 7,5% [Fact sheet ... , 2022 ; Defence expenditure ... , 2023, p. 12], т.е. стал почти вдвое меньше.

Даже с учетом поддержки официального Киева – прежде всего, с учетом масштабных поставок разнообразных образцов военной техники и вооружений, направления наемников, выделения очень больших финансовых ассигнований, – США прежде всего

озабочены «сдерживанием» КНР. В данном случае весьма показательно распределение войск: после начала СВО РФ вклад Белого дома в комплектование СПР НАТО увеличился с одной до двух бригад – для «ядра» многосторонней боевой группы в Польше (все силы на ротационной основе) и управления армейского корпуса [Fact sheet ... , 2022], – в то время как основные силы сухопутных войск США, сосредоточенные в метрополии, использовались для усиления полупериметра «сдерживания» КНР в АТР. Поэтому Белый дом заинтересован в предельной «европеизации» военно-ресурсного потенциала НАТО. Логично, что особый интерес для США в данной связи представляло использование бундесвера, имеющего значительный потенциал для наращивания боевой мощи на долгосрочную перспективу.

При этом, если администрация Д. Трампа настаивала на росте военных расходов ФРГ (которые в 2023 г. по-прежнему составляют примерно 1,5% ВВП [Defence expenditure ... , 2023, p. 8]), то администрация президента Дж. Байдена – на увеличении военно-людских обязательств ФРГ по линии НАТО, и это не только по иному воспринималось официальным Берлином (поскольку расценивалось как возможность увеличить свой практический вес в НАТО), но и автоматически приводило к росту военных расходов ФРГ в целом и по линии Альянса в особенности, притом без видимого принуждения. Тем самым Белый дом умело реализовал концепцию «мягкого доминирования» в отношении Германии. Все инициативы ФРГ по увеличению нагрузки в деле комплектования группировок Альянса отвечали интересам США в не меньшей мере, чем интересам ФРГ.

Вклад Германии в «сдерживание» РФ в военно-стратегической сфере характеризуется плавным, но неуклонным количественным и качественным ростом. Скорее всего, градуированность, т.е. «плавность» этого процесса, по мнению официального Берлина, должна была способствовать решению сразу нескольких задач: удобство для самой Германии, возможность соответственно подготовить «военный инструментарий»; достижение эффекта постоянного наращиваемого давления; наконец, недопущение неконтролируемой эскалации – иначе говоря, обретение способности контролировать ход конфронтации.

На деле же, в том, что касается последнего пункта, официальный Берлин переоценил свои возможности (и возможности «либеральных демократий» в целом). Успехи контрстратегии РФ, включающей многочисленные неординарные и неожиданные для оппонентов шаги, не позволяют утверждать, что «коллективный» Запад контролирует ход конфронтации. Так, в результате белорусских событий 2020 г. власть в Минске не перешла в руки прозападной оппозиции; напротив, ускорило сближение РБ и РФ в рамках Союзного государства.

В политико-дипломатическом плане ФРГ еще весной 2014 г. «заморозила» работу абсолютного большинства дву- и многосторонних форматов с участием РФ, в том числе межправительственных консультаций. Вместе с тем создавались и некоторое время функционировали новые одиночные (отдельные) переговорные механизмы, в работе которых в той или иной мере подчеркивался сугубо вынужденный характер диалога с РФ: «Нормандский формат» (с участием Франции и Украины; с 6 июня 2014 г. де-факто до декабря 2020 г., де-юре – до февраля 2022 г.), разработавший план «Минск-2» (12 февраля 2015 г.); «Сочинский формат» 2017–2018 гг.; поездки канцлера ФРГ в РФ (в частности, А. Меркель 11 января 2020 г. накануне запуска Берлинской конференции по Ливии и О. Шольца 15 февраля 2022 г. в преддверии СВО). Со стороны Германии такое использование политико-дипломатического инструментария было прежде всего методом, позволяющим продвигать германскую позицию и при этом не допускать эскалации (точнее, не допустить закономерной реакции РФ на недружественные по отношению к ней шаги «западных демократий»), причем интересы России не учитывались в необходимом объеме, особенно на средние и долгосрочную перспективу. В связи с этим показателен визит О. Шольца в РФ 15 февраля 2022 г.: по «украинскому вопросу» не было никаких позитивных результатов, официальный Берлин рассчитывал лишь на возможное выполнение «буксующего» уже семь лет «Минска-2» в неопределенном будущем [Pressestatement ... , 2022]. Также показательно, что в интервью в декабре 2022 г., на фоне продолжающейся СВО РФ и спустя год после ухода с поста канцлера, А. Меркель признала, что соглашение «Минск-2» было направлено на то, чтобы выиграть время для военного усиления Украины в ее противодействии России [Merkel, 2022]. Постоянно

увеличивавшаяся поддержка официального Киева как основа стратегического закрепления ФРГ на постсоветском пространстве в целом (в том числе с опорой на сотрудничество с Кишиневом и Тбилиси) была органично связана с реализацией мер по усилению военного потенциала НАТО, особенно в передовой части зоны ответственности.

То, что Германия считала невозможным в военном плане, провокационным по отношению к оппоненту еще за несколько лет до этого, становилось допустимым и даже должным. Так, если весной–осенью 2014 г. ФРГ минимизировала объемы использования бундесвера в военно-тренировочной деятельности НАТО в Восточной Европе, то уже в 2016–2017 гг. она вошла в число ведущих государств-комплектаторов СПР НАТО в регионе, а в 2022–2023 гг. упрочила свое положение по всех отношениях – и по широте географического охвата, и по предельному уровню (вплоть до бригадного) использования войск.

Аналогичная картина наблюдалась с поставками ВиВТ официальному Киеву: де-факто Берлин стал поставлять оружие уже с конца февраля 2022 г., а затем, получив согласие Бундестага 28 апреля 2022 г., плавно наращивал не только объемы, но и ударную силу поставляемых ВиВТ. 25 января 2023 г. было принято решение о поставке танков «Leopard 2» (и тем более – «Leopard 1») и сняты все ограничения для осуществления аналогичных поставок партнерами, имеющими такую технику германского производства. На 1 августа 2023 г. официальному Киеву, среди прочего, было направлено 18 танков «Leopard 2A5», 10 танков «Leopard 1A5», 40 БМП «Marder», 50 бронетранспортеров «Dingo», 14 штурмовых орудий «Panzerhaubitze 2000» (парк техники для одной танковой и одной механизированной бригад ВСУ), 46 ЗСУ «Gepard», два комплекса ПВО «Iris-T» [Liste der militärischen ... , 2023]. По числу единиц техники данный список превышал объем ВиВТ, находившихся в распоряжении контингентов бундесвера в составе СПР НАТО. Одновременно в рамках миссии Евросоюза EUMAM UA (англ. EU Military Assistance Mission) бундесвер активно участвовал в подготовке кадров ВСУ на территории ЕС (общая численность – 30 тыс. военнослужащих) [Boris Pistorius ... , 2023]. Эти военные, как и тяжелая техника производства западных стран, были использованы для укомплектования 12 бригад ВСУ, которым от-

водилась основная роль в летнем наступлении 2023 г. Де-факто они были своеобразным аналогом СПР Альянса, апробируемым на поле боя.

Сама по себе миссия ЕС EUMAM UA (с заметным вкладом ФРГ в ее деятельность) показательна в нескольких отношениях. Во-первых, это попытка компенсировать неудачи Германии и в целом стран Запада по реформе сектора безопасности в конфликтных государствах Азии и Африки (миссии под эгидой НАТО в Афганистане, миссии ЕС в Сомали, Мали, Буркина-Фасо и Нигере) путем подготовки военнослужащих Украины, потенциально более готовых воспринять стандарты тактики Запада. Однако при этом ФРГ и ее партнеры становились более восприимчивы к неудачам ВСУ и как минимум не могли допустить быстрого поражения всех подготовленных бригад (чем можно объяснить поэтапное, растянутое на многие недели, введение их в бой официальным Киевом). Во-вторых, и это не менее важно: миссия EUMAM UA вкуче с общей направленностью внешней политики ЕС и особенно Европейской комиссии, возглавляемой У. фон дер Ляйен, показывает, что Евросоюз взял на себя функцию поддержки НАТО.

В том, что касалось поддержки официального Киева, Германия придерживалась лишь двух основных самоограничений. Первое – принципиальный отказ от использования регулярных войск ФРГ (и стран – участниц НАТО в целом) на территории Украины, поскольку это означало бы переход к прямому военному конфликту между Западом и РФ с катастрофическими последствиями для обеих сторон. Второе, также формально направленное на предупреждение последнего сценария, – осуществление поставок ВиВТ Украине де-юре не по линии НАТО, а с использованием формата «Рамштайн», т.е. переговорного механизма западных стран и их партнеров по согласованию военной помощи официальному Киеву [Mills, 2023, p. 8]. Название площадки – место проведения переговоров, крупнейшая военная база США на территории ФРГ, – служит символом теснейшей координации ФРГ и США по «сдерживанию» РФ.

В случае другой конфронтации – с КНР – официальный Берлин занимает иную позицию. С 2020 г. становится все более явным стремление ФРГ стратегически проникнуть в Индо-Тихоокеанский регион (ИТР). Вслед за публикацией региональной стратегии (сен-

тябрь 2020 г.) были созданы форматы «2+2» (глав военного и внешнеполитического ведомств) с Австралией и Японией (июнь 2020 г.); в ИТР с военно-дипломатической миссией был послан фрегат (август 2021 – февраль 2022 г.) [Арзаманова, 2022], а затем направлена группа самолетов ВВС (сентябрь-октябрь 2022 г.); были разработаны планы по запуску механизма межправительственных консультаций с официальным Токио [Pressekonferenz ... , 2022b]. Рост активности ФРГ в ИТР обусловлен, помимо геоэкономической и стратегической важности этого региона, также стремлением компенсировать утрату позиций в Афганистане, создававшихся на протяжении двух десятилетий (2002–2021): экстренный вывод бундесвера, совершившийся вопреки желаниям официального Берлина, лишь подчеркнул военную зависимость ФРГ от США.

В ИТР, в отличие от Афганистана, официальный Берлин старался в какой-то мере дистанцироваться от Белого дома. Германия, обеспокоенная усилением Китая, активно сотрудничала с его оппонентами (прежде всего, Японией), но лишь на двусторонней основе, а главное – не желала резкого ухудшения отношений с КНР, своим важнейшим торгово-хозяйственным партнером. Показательно сохранение формата межправительственных консультаций с Китаем: очередные консультации прошли в Берлине в июне 2023 г. В совместной пресс-конференции канцлер О. Шольц и премьер Госсовета КНР Ли Цян подробно остановились на экономических вопросах и почти не касались политических, включая «тайваньский вопрос» [Pressestatements ... , 2023], что свидетельствовало о наличии многочисленных расхождений, которые стороны по обоюдному согласию не стремились подчеркивать.

Белый дом стимулировал ФРГ к ужесточению подхода к КНР, расширяя и более активно используя сеть форматов с узким набором региональных игроков: прежде всего AUKUS (с сентября 2021 г., Австралия, Великобритания, США) и «Partners in the Blue Pacific» (с июня 2022 г., Австралия, Великобритания, США, Новая Зеландия, Япония). В контексте ужесточения согласованного давления на КНР эта тактика способствовала сближению с Белым домом почти всех стран ИТР (кроме Сингапура), на которые ФРГ рассчитывала опереться в процессе своего стратегического проникновения в регион.

Данное обстоятельство повышает вероятность обращения Германии к характерной для нее тактике плавного усиления давления по отношению к КНР. Вместе с тем скорость и промежуточные результаты применения этой тактики, скорее всего, будут гораздо меньшими, чем на российском направлении: на китайском направлении Германия готова максимум к тому, чтобы нести сугубо вспомогательную нагрузку в процессе развертывания конфронтации и не желает разрушать основ своего взаимодействия с официальным Пекином в целом.

Эволюция стратегического влияния ФРГ в Евро-Атлантическом сообществе: региональный срез

В Западной Европе в начале 2020-х годов наибольшим вызовом для Германии стало «проседание» сотрудничества с Францией. Его основная причина – более активное и заметное стремление ФРГ к реализации своих геополитических амбиций, к занятию роли ведущего партнера как в тандеме в целом, так и на конкретных направлениях, где ранее главенствовал официальный Париж (например, в вопросах, касающихся ситуации в Сахаро-Сахельском регионе, или лидерства в развитии диалога с КНР от лица ЕС). В то же время стремление Франции встать во главе процесса формирования «европейской армии» – одна из причин неготовности ФРГ к ускоренному созданию европейских ВС [Сидоров, 2020, с. 146–155].

Отношения с Великобританией в сфере безопасности и обороны, особенно после Брекзита, также «просели». Одна из основных причин этого – конкуренция сторон за положение ведущей европейской «опоры» НАТО и в целом лагеря «западных демократий». Заметная активизация деятельности ФРГ под эгидой НАТО частично компенсировалась повышенной активностью, точнее инициативностью, Великобритании в деле предоставления военной помощи Киеву. Так, Великобритания раньше Германии приняла решение о поставке Киеву танков национального производства (решения от 14 и 25 января 2023 г. соответственно), крылатых ракет (май 2023 г.; ФРГ на август 2023 г. воздерживалась) [Mills, 2023, р. 35–37]. Тем самым официальный Лондон тактически стремился стимулировать Берлин действовать в русле своей ли-

нии, стратегически же резко повышал градус конфронтации, что вступало в противоречие с плавным курсом ФРГ.

Наиболее близкий союзник Германии в Европе – Нидерланды. Их подход к «сдерживанию» РФ был жестче, чем у ФРГ: эта разница в определенной мере оказывала негативное влияние на межгосударственный диалог, но сокращалась по мере увеличения нагрузки, которую принимала на себя Германия по линии НАТО. Символом укрепления сотрудничества стало проведение в марте 2023 г. очередных двусторонних межправительственных консультаций (запланированных на 2022 г., но тогда не состоявшихся). Стороны договорились о дальнейшей тесной кооперации в военно-стратегической сфере (к этому времени в состав каждой из трех имевшихся дивизий бундсвера было интегрировано по одной бригаде ВС Нидерландов), поставив на первое место сотрудничество под эгидой НАТО, на второе – взаимодействие под эгидой ЕС [Gemeinsame Erklärung ... , 2023]. Такая иерархия отражала и изменившийся список приоритетов самой ФРГ.

Северная Европа приобретает все большее значение во внешней политике Германии. Это связано не только с «гонкой потенциалов» в Балтийском море, но и со стремлением ФРГ обеспечить свое стратегическое проникновение в Арктику. Логично, что важнейшим союзником ФРГ в регионе неизменно остается Норвегия, с которой сохраняется теснейшее политическое и военное сотрудничество: в числе прочего, речь идет об интенсивных учениях в Норвежском (а, перспективе и Баренцевом) морях с участием фрегатов ВМС ФРГ, а также о планах по унификации подводных флотов посредством приобретения норвежской стороной субмарин проекта 212С германского производства (с 2029 г.) [Neue U-Boote ... , 2021]. Вступление в НАТО Швеции и Финляндии (последнее произошло в апреле 2023 г.) едва ли приведет к резкому подъему диалога ФРГ с ними. Официальный Стокгольм несомненно сохранит (но вряд ли упрочит) свои позиции в качестве одного из ведущих партнеров Берлина, поскольку прежде их сотрудничество успешно развивалось на двусторонней основе под эгидой ЕС; вступление же в Альянс приведет к усилению влияния на Швецию со стороны США и Великобритании, возможно, за счет ослабления влияния со стороны ФРГ.

В Восточной Европе основные союзники Германии – Литва (что влияет на развитие диалога с двумя другими странами Балтии) и Румыния, а также Чехия. Важнейшим индикатором, подтверждающим это, стало вышеупомянутое выделение контингентов бундесвера в состав многосторонних формирований СПР, размещенных в Литве и в Словакии (в последнем случае – в тесной кооперации с Чехией) и планирующих к размещению в Румынии [«Russland darf ...», 2022; NATO’s military ... , 2023; Pressekonferenz ... , 2023b]. Географически система этих взаимосвязей была направлена на то, чтобы «окаймлять» с трех сторон Восточную Европу и тем самым компенсировать заметные сложности в диалоге с Польшей. Это «узкое место» по-прежнему сохранилось, несмотря на резкий рост стратегической активности Германии к Восточной Европе. Данный пример наглядно показывает, что перефокусирование внимания ФРГ на зону ответственности НАТО, с отдаленных регионов на сопредельные пространства, не помогло ей в полной мере компенсировать частичную утрату своего влияния на мировой политической сцене, произошедшую в результате такого маневра.

В Южной Европе заметного укрепления позиций ФРГ не произошло, что объясняется, прежде всего, сохранением межгосударственной конкуренции ФРГ с Италией [Маслова, Шебалина, 2023, с. 11–16]. С Испанией имеется взаимный интерес к продвинутому сотрудничеству, но возможности для его реализации ограничены – не только из-за низкого уровня активности Испании вне региона, но и из-за ослабления позиций ФРГ в Африке.

Ослабление позиций ФРГ в Северной Африке и на Ближнем Востоке

На Среднем Востоке утрата позиций «западных демократий» (включая ФРГ) в Афганистане в апреле–июне 2021 г. свидетельствовала о частичной деградации их влияния в Азии и Африке в целом. В период 2018–2022 гг. Германия практически отказалась от военного участия в урегулировании до сих пор не решенной «сомалийской проблемы» в зоне *Африканского Рога* [Anzahl ... , 2023].

В Сахаро-Сахельском регионе (ССР) ФРГ пыталась избежать афганского сценария. В Мали после прихода к власти военных (военные перевороты в августе 2020 и мае 2021 гг.) Германия дольше, чем Франция, сохраняла основу своей группировки, дей-

ствовавшей не в национальном качестве, но в составе миротворческой миссии ООН MINUSMA. Однако в мае 2023 г. Бундестаг по запросу правительства принял решение о *последней* годичной пролонгации мандата бундесвера [Antrag ... , 2023]. В Мали, как и в северной части Африки в целом, ФРГ стремилась сохранять имидж игрока, не имевшего здесь колоний (в отличие от юга континента), приверженного более взвешенному подходу к применению силы по сравнению с другими западными державами (что подтверждалось поведением ФРГ во время кризиса в Ливии 2011 г.) и в определенной мере воспринимавшегося обособленно от них. Однако все более заметное участие ФРГ не только в структурировании Запада, но в «сдерживании» незападных держав имело негативные информационные последствия, что сыграло свою роль, прежде всего, в ССР, – направлении наиболее масштабного применения бундесвера в начале 2020-х годов не только в Африке, но и вне зоны ответственности Альянса в целом [Anzahl ... , 2023]. С учетом слабости позиций Германии в Мавритании и Чаде, утраты и без того незначительного влияния в Буркина-Фасо после прихода к власти военных (военный переворот в январе 2022 г.) для официального Берлина особенно опасно повторение аналогичного сценария в Нигере, куда стали передислоцироваться подразделения ФРГ (и Франции, и других «западных демократий»), выводимые из других стран ССР.

В Северной Африке основным партнером официального Берлина остается Египет. Взаимная поддержка претензий друг друга (Египта – в Лиге арабских государств и Африканском союзе, ФРГ – в евро-атлантических институтах, обоих игроков – в ООН) подкрепляется тесным военно-техническим сотрудничеством и координацией усилий по урегулированию вооруженных конфликтов на континенте. Однако, несмотря на поддержку Египта и ряда других региональных игроков, ФРГ (и «западным демократиям» в целом) не удалось добиться окончательного решения «ливийской проблемы» – перерастания договоренностей о прекращении огня 2020 г. в прочный внутренний мир с проведением президентских выборов. Едва ли не главная причина этого – фактическое вытеснение России из переговорного процесса с лета 2021 г. (т.е. задолго до СВО) [Zweite Berliner ... , 2021], несмотря на то, что РФ играла важнейшую роль в запуске Берлинской конференции по Ливии (2020).

На Ближнем Востоке Германия в контексте своего присутствия в регионе сталкивается с многообразными вызовами, один из которых – непростые (на начало 2020-х годов) отношения с Турцией и Саудовской Аравией, – в основном, в силу неприятия официальным Берлином их повышенной военной активности на сирийско-иракском и йеменском направлениях соответственно. Нет заметного подъема и в диалоге с Израилем в сфере безопасности и обороны. На фоне успехов коалиции РФ – официального Дамаска – ИРИ и собственных весьма скромных результатов в борьбе с международным терроризмом в Сирии ФРГ была вынуждена официально свернуть свою военную активность в этой арабской стране [Antrag ... , 2022, S. 2–5]. В определенной мере это сделало более шатким положение Германии в Ираке, который, наряду с Иорданией, остается основным реципиентом военного присутствия ФРГ. Все более заметным на иракской территории становится влияние Ирана [Ibid.], который с начала 2020-х годов является одним из основных объектов для «сдерживания» со стороны западных стран.

***

Серьезный вызов для внешней политики ФРГ – остающаяся ограниченной, сокращающаяся на ряде направлений, дееспособность в сфере безопасности и обороны на уровне Европейского союза. Данная тенденция обусловлена как объективными причинами (неспособность выработать и реализовать схему полного урегулирования вооруженных конфликтов с вовлеченностью структур международного терроризма), так и субъективными, возникшими в результате комплекса решений стран – участниц ЕС и, в первую очередь, самой ФРГ. Повышенное внимание объединения к «сдерживанию» РФ закономерно привело к принятию Евросоюзом функции поддержки НАТО, т.е. вспомогательной роли по сравнению с Альянсом. Избранный ФРГ курс способствовал тому, что создание «европейской армии» продвигалось медленно, но форсированными темпами наращивался военно-ресурсный потенциал НАТО, комплектуемый европейскими государствами-членами. Его отлично организованное «ядро» (в виде СПР, СБР и в рамках новой модели войск Альянса) представляет собой параллельный «европейской армии» и намного более успешно развивающийся проект.

Во всех без исключения группировках блока (СБР в целом и VJTF в особенности, боевых группах eFP и tFP в рамках новой модели войск НАТО) Германия стремилась как можно чаще принимать функции «рамочного государства». Тем самым роль неофициального лидера ЕС (которую в случае «европейской армии», учитывая сложности ее создания, ФРГ могла принять лишь в отдаленной перспективе) дополнялась и отчасти даже подменялась аналогичным положением среди континентальных европейских государств – членов НАТО. Притом многие обязательства принимались на «вырост», с уверенностью в долгосрочном масштабном росте мощи бундесвера.

Внося большой вклад в «сдерживание» РФ, ФРГ не стремится полноценно участвовать сразу в двух конфронтациях, учитывая огромные геостратегические и экономические издержки этого. Однако такая линия вступает в противоречие не только со стремлением официального Берлина обеспечить свое стратегическое присутствие в ИТР, но и с нынешним курсом ФРГ в целом, а именно – с открыто демонстрируемой ремилитаризацией (информационно представляемой в качестве «вынужденной») при отчетливом подчеркивании своей роли как органичной части «коллективного» Запада. Безусловно, ФРГ была его частью с момента основания; новизна состоит в педалировании данного факта в имиджевом плане. Это лишает официальный Берлин многих преимуществ. Он уже едва ли может претендовать на роль «моста» в налаживании диалога с незападными державами – участницами конфронтации (особенно с РФ) при неизбежном будущем наступлении «разрядки». Для все большего числа государств Африки, Большого Ближнего Востока ФРГ теряет свою привлекательность, утрачивая имидж игрока, придерживающегося более взвешенного курса, чем другие «западные державы», менее политически предвзятого миротворца, провайдера стабильности и безопасности.

В результате ослабление стратегических позиций Германии во многих значимых для нее регионах вне Евро-Атлантического сообщества (на Большом Ближнем Востоке, в Северной Африке и особенно в Сахаро-Сахельском регионе) становится мощным «побочным эффектом» стремления ФРГ играть все более заметную роль в структурировании Запада. И даже внутри него, если обратиться к региональному уровню (Восточной, Южной и даже

Западной Европе, Северной Америке), результат во многих случаях не соответствует задействованным ресурсам и ожиданиям. Все эти тенденции свидетельствуют о том, что, следуя избранной стратегии, Германия рискует не приблизиться, но отодвинуться от положения полновесного глобального игрока, что особенно чувствительно в условиях формирования нового миропорядка.

ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

Арзаманова Т.В. (2022). Отдельные аспекты стратегического планирования Германии в Индо-Тихоокеанском регионе в условиях возвращения соперничества великих держав // Актуальные проблемы Европы / РАН, ИНИОН. – Москва. – № 4. – С. 258–284 [Arzamanova T.V. (2022). Some aspects of German strategic planning in Indo-Pacific region facing the return of great power rivalry [*Otdel'nye aspekty strategicheskogo planirovaniya Germanii v Indo-Tikhoookeanskom regione v usloviyakh vozvrashcheniya sopernichestva velikikh derzhav*] // Current problems of Europe / RAN, INION. – Moscow. – N 4. – P. 258–283]. (In Russian). DOI: 10.31249/ape/2022.04.11.

Сидоров А.С. (2020). «Европейская оборона» через призму французских интересов и возможностей // Актуальные проблемы Европы / РАН, ИНИОН. – Москва. – № 4. – С. 137–169 [Sidorov A.S. (2020). European defence through the prism of France's interests and capabilities [*«Evropejskaja oborona» cherez prizmu francuzskih interesov i vozmozhnostej*] // Current problems of Europe / RAN, INION. – Moscow. – N 4. – P. 137–169]. (In Russian). DOI: 10.31249/ape/2020.04.07.

Истомин И.А. (2021). Управление обязательствами в асимметричных альянсах // Международные процессы. – Москва. – № 1. – С. 26–55 [Istomin I.A. (2021). Management of security commitments in asymmetric alliances [*Upravlenie objazatel'stvami v asimmetrichnykh al'jansah*] // International trends. – Moscow. – N 1. – P. 26–55]. (In Russian). DOI: 10.17994/IT.2021.19.1.64.1.

Манойло А.В. (2020). Современные подходы Европейского союза к созданию собственных вооруженных сил // Актуальные проблемы Европы / РАН, ИНИОН. – Москва. – № 4. – С. 75–94 [Manoilov A.V. (2020). Modern approaches of the European Union to creating own armed its forces [*Sovremennye podhody Evropejskogo sojuza k sozdaniyu sobstvennykh vooruzhennykh sil*] // Current problems of Europe / RAN, INION. – Moscow. – N 4. – P. 75–94]. (In Russian). DOI: 10.31249/ape/2020.04.04.

Маслова Е.А., Шебалина Е.О. (2023). Италия в треугольнике Рим – Париж – Берлин // Современная Европа / РАН, ИЕ. – Москва. – № 2. – С. 5–18 [Maslova E.A., Shebalina E.O. (2023). Italy in the Rome – Paris – Berlin triangle [*Italija v treugol'nike Rim – Parizh – Berlin*] / RAS, IE. – Moscow. – N 2. – P. 5–18]. (In Russian).

Allen M.A., Martinez Machain C., Flynn M.E. (2022). The US military presence in Europe has been declining for 30 years – the current crisis in Ukraine may reverse that trend. (2022) // The conversation. – Paris. – 25.01. – URL: <https://theconversation.com/the-us-military-presence-in-europe-has-been-declining-for->

30-years-the-current-crisis-in-ukraine-may-reverse-that-trend-175595 (date of access: 10.12.2023).

Antrag der Bundesregierung : Fortsetzung des Einsatzes bewaffneter deutscher Streitkräfte – Stabilisierung sichern, Wiedererstarben des IS verhindern, Versöhnung in Irak fördern. (2022) / Deutscher Bundestag, 20. Wahlperiode. – Berlin. – 05.10. – 12 S. – (Drucksache 20/3818). – URL: <https://dserver.bundestag.de/btd/20/038/2003818.pdf> (date of access: 10.12.2023).

Antrag der Bundesregierung : letztmalige Fortsetzung der Beteiligung bewaffneter deutscher Streitkräfte an der Multidimensionalen Integrierten Stabilisierungsmision der Vereinten Nationen in Mali (MINUSMA). (2023) / Deutscher Bundestag, 20. Wahlperiode. – Berlin. – 03.05. – 8 S. – (Drucksache 20/6655). – URL: <https://dserver.bundestag.de/btd/20/066/2006655.pdf> (date of access: 10.12.2023).

Anzahl der an internationalen Einsätzen beteiligten deutschen Soldaten der Bundeswehr. (2023) // Statista. – Berlin. – 27.11. – URL: <https://de.statista.com/statistik/daten/studie/72703/umfrage/anzahl-der-soldaten-der-bundeswehr-im-ausland/#professional> (date of access: 10.12.2023).

Bindenagel J.D. (2020). Germany from peace to power? Can Germany lead in Europe without dominating? – Bonn : Bonn univ. press. – 224 p.

Biscop S. (2022). The new force model : NATO's European army? / Egmont institute. – Brussels. – 6 p. – https://www.egmontinstitute.be/app/uploads/2022/09/Sven-Biscop_PolicyBrief285_vFinal.pdf (date of access: 10.12.2023).

Boris Pistorius besucht mit dänischem Amtskollegen Ausbildung ukrainischer Truppen. (2023) / BMVg. – Berlin. – 05.05. – URL: <https://www.bundeswehr.de/de/aktuelles/meldungen/pistorius-besucht-ausbildung-ukrainischer-truppen-5618612> (date of access: 10.12.2023).

Defence expenditure of NATO countries (2014–2023) : communique. (2023) / NATO, Public diplomacy division. – Brussels. – 16 p.

Die Auslandseinsätze der Bundeswehr in Wandel. (2018) / Glatz R., Hansen W., Kaim M., Vorrath J. ; German institute for international and security affairs ; Stiftung Wissenschaft und Politik. – Berlin. – 52 p.

Fact sheet : US defense contributions to Europe. (2022) / US Department of defence. – Washington, D.C. – 29.06. – URL: <https://www.defense.gov/News/Releases/Release/Article/3078056/fact-sheet-us-defense-contributions-to-europe/> (date of access: 10.12.2023).

Financial and economic data relating to NATO defence. (1992) / NATO. – Brussels. – 10 p.

Gemeinsame Erklärung – Deutsch-Niederländische Regierungskonsultationen, 27. März 2023. (2023) / Bundeskanzleramt. – Berlin. – 27.03. – URL: <https://www.bundesregierung.de/breg-de/suche/gemeinsame-erklaerung-deutsch-niederlaendische-regierungskonsultationen-27-maerz-2023-2173432> (date of access: 10.12.2023).

Germany steps up to lead NATO high readiness force. (2019) / NATO. – Brussels. – 01.01. – URL: https://www.nato.int/cps/en/natohq/news_161796.htm (date of access: 10.12.2023).

**Проблемы и перспективы:
глобальной субъектности ФРГ
в военном и политическом отношениях:
реалии начала 2020-х годов**

Germany takes the lead for NATO's high readiness force. (2022) / NATO. – Brussels. – 28.12. – URL: https://www.nato.int/cps/en/natohq/news_210076.htm (date of access: 10.12.2023).

Liste der militärischen Unterstützungsleistungen. (2023) / Bundeskanzleramt. – Berlin. – 07.12. – URL: <https://www.bundesregierung.de/breg-de/schwerpunkte/krieg-in-der-ukraine/lieferungen-ukraine-2054514> (date of access: 10.12.2023).

Merkel A. (2022). «Hatten Sie gedacht, ich komme mit Pferdeschwanz?» : interview // Die Zeit. – Hamburg. – 07.12. – URL: <https://www.zeit.de/2022/51/angela-merkel-russland-fluechtlingskrise-bundeskanzler> (date of access: 10.12.2023).

Mills C. (2023). Military assistance to Ukraine since the Russian invasion. – London. – 70 p.

NATO's military presence in the east of the Alliance. (2023) / NATO. – Brussels. – URL: https://www.nato.int/cps/en/natohq/topics_136388.htm (date of access: 10.12.2023).

NATO Response Force. (2023) / NATO. – Brussels. – URL: https://www.nato.int/cps/en/natolive/topics_49755.htm (date of access: 10.12.2023).

New NATO force model. (2022) / NATO. – Brussels. – 2 p. – URL: https://www.nato.int/nato_static_fl2014/assets/pdf/2022/6/pdf/220629-infographic-new-nato-force-model.pdf (date of access: 10.12.2023).

Neue U-Boote und Seeziel-Flugkörper für die Marine. (2021) / BMVg. – Berlin. – 09.07. – URL: <https://www.bundeswehr.de/de/organisation/ausrustung-baainbw/aktuelles/deutsch-norwegische-u-boote-und-seeziel-flugkoerper-5109534> (date of access: 10.12.2023).

Pressekonferenz von Bundeskanzler Scholz nach dem NATO Gipfel am 30. Juni 2022 in Madrid. (2022a) / Bundeskanzleramt. – Berlin. – 30.06. – URL: <https://www.bundesregierung.de/breg-de/suche/pressekonferenz-von-bundeskanzler-scholz-nach-dem-nato-gipfel-am-30-juni-2022-in-madrid-2059018> (date of access: 10.12.2023).

Pressekonferenz von Bundeskanzler Scholz und Ministerpräsident Kishida zum Besuch von Bundeskanzler Scholz in Japan am 28. April 2022 in Tokio. (2022b) / Bundeskanzleramt. – Berlin. – 28.04. – URL: <https://www.bundesregierung.de/breg-de/suche/pressekonferenz-von-bundeskanzler-scholz-und-ministerpraesident-kishida-zum-besuch-von-bundeskanzler-scholz-in-japan-am-28-april-2022-2028824> (date of access: 10.12.2023).

Pressekonferenz von Bundeskanzler Scholz und dem Ministerpräsidenten von Rumänien Ciolacu am 4. Juli 2023 in Berlin. (2023a) / Bundeskanzleramt. – Berlin. – 04.07. – URL: <https://www.bundesregierung.de/breg-de/suche/pressekonferenz-von-bundeskanzler-scholz-und-dem-ministerpraesidenten-von-rumaenien-ciolacu-am-4-juli-2023-in-berlin-2200290> (date of access: 10.12.2023).

Pressekonferenz von Bundeskanzler Scholz zum Gipfeltreffen der NATO am 12. Juli 2023 in Wilna. (2023b) / Bundeskanzleramt. – Berlin. – 12.07. – URL: <https://www.bundesregierung.de/breg-de/suche/pressekonferenz-von-bundeskanzler-scholz-zum-gipfeltreffen-der-nato-am-12-juli-2023-2202034> (date of access: 10.12.2023).

Pressestatement von Bundeskanzler Scholz zu seinem Besuch in der Russischen Föderation am 15. Februar 2022 in Moskau. (2022) / Bundeskanzleramt. – Berlin. –

15.02. – URL: <https://www.bundesregierung.de/breg-de/suche/pressestatement-von-bundeskanzler-scholz-zu-seinem-besuch-in-der-russischen-foederation-am-15-februar-2022-2005532> (date of access: 10.12.2023).

Pressestatements von Bundeskanzler Scholz und Ministerpräsident Li Qiang zu den 7. Deutsch-Chinesischen Regierungskonsultationen am 20. Juni 2023 in Berlin. (2023) / Bundeskanzleramt. – Berlin. – 20.06. – URL: <https://www.bundesregierung.de/breg-de/suche/pressestatements-von-bundeskanzler-scholz-und-ministerpraesident-li-qiang-zu-den-7-deutsch-chinesischen-regierungskonsultationen-am-20-juni-2023-2197574> (date of access: 10.12.2023).

Projects : all projects. (2023) / PESCO. – Brussels. – URL: <https://www.pesco.europa.eu/#projects> (date of access: 10.12.2023).

Resolute Support Mission (RSM) : key facts and figures. (2018) / NATO. – Brussels. – 2 p. – URL: https://www.nato.int/nato_static_fl2014/assets/pdf/pdf_2018_12/20181203_2018-12-RSM-Placemat.pdf (date of access: 10.12.2023).

«Russland darf und wird diesen Krieg nicht gewinnen». (2022) / Bundeskanzleramt. – Berlin. – 07.06. – URL: <https://www.bundesregierung.de/breg-de/suche/bundeskanzler-in-litauen-2047754> (date of access: 10.12.2023).

Zweite Berliner Libyen-Konferenz : neue Phase für Frieden in Libyen. (2021) / Auswärtiges Amt. – Berlin. – 23.06. – URL: <https://www.auswaertigesamt.de/de/ausenpolitik/laender/libyen-node/zweite-libyen-konferenz/2467338> (date of access: 10.12.2023).

DOI: 10.31249/ape/2024.01.10

Trunov Ph.O.¹
**Problems and prospects
of the global subjectivity of Germany
in military and political relations:
realities of the early 2020s**

***Abstract.** The formation of a new world order embraces not only the institutionalization of the non-West, but also the restructuring of the West. In this process, important role belongs to such European states as Federal Republic of Germany. The goal of the article is to explore Germany's military and political prospects at the global arena in the early 2020s.*

Germany's contribution to the restructuring of the West is carried out primarily through NATO and the EU. Berlin strives to be a coordinator in the

---

¹ **Trunov Philipp Olegovich** – PhD in Political Sciences, Leading Researcher, INION RAN; ltrunov@mail.ru

most important areas of improving the EU's military-strategic capabilities. However, in the early 2020s, Germany did not insist on the accelerated development of these capabilities, including the creation of a «European army». At the same time, FRG played an active role in the accelerated strengthening of NATO's powerful, well-organized military potential, staffed mainly by European member states' contingents. Also Germany has become one of the main actors providing military-technical support to official Kyiv during Russia's special military operation. In general, Germany's contribution to the deterrence of Russia is characterized by smooth, steady quantitative and qualitative growth. Thus, Germany in practice supported a new scheme for sharing responsibility between «Western democracies» in confrontations with non-Western states, namely: the United States does focus on the deterrence of China, and the European partners do focus on the deterrence of Russia.

The article concludes that the growing involvement of Germany in the restructuring of the West is not only accompanied by a weakening of its positions outside the Euro-Atlantic community, but also does not always give the expected result even within it.

Keywords: *Germany, foreign policy, NATO, «framework nation», EU, USA, confrontation, deterrence, Russia, China, Euro-Atlantic community, Asia, Africa, world order.*

Статья поступила в редакцию (Received) 10.10.2023
Доработана после рецензирования (Revised) 12.10.2023
Принята к публикации (Accepted) 14.10.2023